

Новая пьеса Леонида Филатова

Неувядающая красота. - 2000. - 27 дек. - с. 16

В СЕРЕДИНЕ января в Москве стартует новый проект театральной компании «Успех» — «Опасный, опасный и очень опасный...», главной сенсацией которого станет возвращение на театральную сцену драматурга и актера **Леонида Филатова**. Увлечшись «Опасными связями» Шодерло де Лакло, Леонид Алексеевич написал пьесу, где, отвергнув путь банальной инсценировки, преобразовал роман в письмах в драму в стихах. «Опасный...» — сочинение не просто в ином жанре, но и в другом виде литературы, результат кропотливого литературного труда, который впечатляет прежде всего выдержанным стилем и качественной работой над словом. Это невероятно, но правда: впервые Леонид Филатов видит свою пьесу на театральной сцене, хотя попыток поставить что-либо из его драматургического наследия было предпринято немало.

Драматической поэме Филатова хочется пожелать счастливой сценической карьеры — она может и даже, кажется, должна разойтись в скором времени по российским

театрам. Простой для чтения и легкий для восприятия на слух филатовский стих, с одной стороны, пытается соответствовать «благородному» стилю XVIII века, но, с другой — позволяет драматургу, избегая за редким исключением пошлости, создать ироничное, умное, полное народного юмора произведение в духе «Сказа о Федоте-стрельце».

Режиссер «Опасного и очень опасного...» **Сергей Виноградов**, следующий слову Филатова, представил «галантный век» веком необузданных страстей и неограниченной сексуальной свободы. Главным событием спектакля становится двойное соблазнение невинной пары Дансени (**Сергей Шнырев**) и Сесиль (**Алена Хованская**) искушенной и развращенной парой Вальмона (**Сергей Виноградов**) и маркизы де Мертей (**Ирина Алексимова**). Главные герои-любовники — Вальмон, одетый в брюки фиолетовой кожи, стянутые по швам тугой тесьмой, малиновые пиджак и жабо, белоснежную сорочку, и маркиза, пылкая блондетка, в высоких алых сапогах, расшитых золотыми цвета-

ми, бордовом гульфике и чернильных чулках — скорее модели Penthouse'a, нежели люди своего времени.

Роскошные и дорогие костюмы **Аллы Коженковой** вообще играют в спектакле роль сексуальных фетишей. Каждая из женщин — а их в спектакле четыре — переодевается в очередное новое платье чаще, чем на сцене что-нибудь происходит. Кажется, что процесс перемены одежд и является главным возбуждателем либидо галантных дам.

Спектакль становится отчаянно скучным, когда актеры пытаются соблюдать субординацию и рисовать людей эпохи Лакло с их изысканными нравами. Первый акт, где любовники еще не обрели предмет своей запретной страсти, тонет в разговорах и танцах, нарочно «проложенных» между диалогами. Здесь становятся заметны все изъяны актерской режиссуры **Сергея Виноградова**, атрибутами которой являются хореографические интермедии, которые, наверное, тоже можно назвать «актерскими». Режиссеру еще как-то структурирует удачное сценарное решение (также Аллы

Коженковой) — за авансценой занавесью (французский парк с любовной сценой на веранде, отделенно напоминающей сюжеты Ватто и Фрагонара) открывается второй, глубокий план — цветущие аллеи, обрамляющие боксерский ринг, который выполняет роль коллективного ложа, «сексодрома». Четыре женщины, загнав Вальмона на ринг, забавляются шуточной борьбой с дамским угодником, пошлепывая, подталкивая и тоняя его, словно мяч, друг к другу. Вальмон нужен всем, он — послушная игрушка в руках женщин, стонущих от бури желаний. Сексуально неотразимая маркиза Ирины Алексимовой задирает юбку на затылок, демонстрируя ошарашенному Вальмону свой изысканный зад, и тем самым окончательно нокаутирует утомленного любовника.

Во втором акте, превращающемся в сплошную оргию, режиссерское и актерское мастерство всех исполнителей заметно крепнет. На сцене воцаряется томительное, изысканное и красивое действие в стиле, знакомом нам по спектаклям Романа Виктюка, но

здесь — с традиционной ориентацией.

В финале Вальмон предстанет перед зрителем ужасным стариком. Вопреки замыслу Лакло Вальмон выживает после дуэли с Дансени и выплывает к зрителям на инвалидной коляске — искалеченный и, кажется, не способный шевельнуться. 90-летний любовник, меланхолично развезжая по сцене, вопиет о собственном бессмертии: «На меня — мода / Я еще опасен». Дьявольский искушитель жив, равно как и дело его — опасное, очень опасное, но и тем более — обольстительное. Вальмон проезжает мимо четырех статуй, в которых превратились женщины, развращенные им, но и благодарные за ту каплю настоящей жизни, что Вальмон когда-то даровал им.

Наше отчаянное время изображает героя по себе — нового Казанова, который, снова вопреки мысли романиста, не развращает пристойное общество, приводя его к нравственной катастрофе, но пускает кровь, высвобождая наружу еле сдерживаемые желания.

Павел РУДНЕВ

Роман Виктюк

27.12.00

27.12.00